

- ²⁰ ЦГВИА РФ. Ф. 400, 1916 г. Оп. 263/216. Д. 42. Л. 118 ; РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв. 1503, 1953. Л. 87, 99.
- ²¹ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М. : Воениздат, 1983. С. 214.
- ²² См.: Брайнин С., Шафиро Ш. Восстание казахов Семиречья в 1916 г. Алма-Ата ; М., 1936. С. 85–86.
- ²³ См.: ЦГВИА РФ. Ф. 400, 1916 г. Оп. 1. Д. 42. Л. 8.
- ²⁴ Юсуров Х. Участие дунган в восстании киргизов в 1916 г. // РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв. 29. С. 20.
- ²⁵ См.: Малабаев Ж. Положение беженцев-киргизов после февраля 1917 г. // История и современность. Фрунзе, 1982. С. 41.
- ²⁶ См.: ЦГА КР. Ф. 2178. Оп. 1. Д. 13. Л. 60.
- ²⁷ См.: Юсуров Х. История советских дунган // РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв. 28, 1947. Л. 33.
- ²⁸ См.: ЦГВИА РФ. Ф. 400, 1916 г. Оп. 263/216. Д. 42. Л. 1–22 ; Рапорт Туркестанского генерал-губернатора Куропакина // РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв. 1503, 1953. Л. 63–64.

Образец для цитирования:

Маджун Д. С. Трагические последствия восстания 1916 г. для России и народов Семиречья // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 404–410. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-404-410.

УДК 94(470.62/.67).084.8|1941/1945|

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП НАСИЛЬСТВЕННОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СССР: СПЕЦИФИКА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ИЗМЕНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ (1945–1956 гг.)

А. П. Мякшев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: myakshhev@mail.ru

В статье анализируется процесс насильственного перемещения значительных масс населения из «западных» республик СССР в восточные районы страны в послевоенный период. Рассматривается влияние депортированных народов на эволюцию национальной структуры населения ряда союзных республик. Исследуются предпосылки неизбежности вследствие разрушения системы спецпоселений очередного этапа радикального изменения национальной структуры республик Северного Кавказа.

Ключевые слова: депортация, насильственное переселение, спецпоселенцы, союзные республики, народы, власть, государство.

The Final Stage of the Forced Deportation in the USSR: the Peculiarities and its Influence on the National Structure Changes (1945–1956)

A. P. Myakshhev

The process of the forced deportation of considerable population masses from the «western» republics of the USSR to its eastern regions during the post-war period is analyzed in the article. The influence of the deported peoples on the evolution of the national population structure of some Soviet republics is examined. The preconditions of inevitability, due to the destruction of the special settling system, of the next phase of the drastic change in the population structure of the national republics of the North Caucasus are investigated.

Key words: deportation, forced deportation, special settlers, Soviet republics, peoples, authorities, state.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-410-415

В 1940–1950-е гг. серьезнейшим образом изменилась национальная структура большинства союзных республик. Одной из причин этого стали

депортации, в результате которых в стране была создана спецпоселенческая система. По официальным данным, поступившим в начале 1953 г. в Верховный Совет СССР, в местах поселения находилось: 1 225 005 немцев, 489 118 чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, 79 376 калмыков, 199 215 крымских татар, болгар, греков, армян, около 160 тысяч турок, хемшинов, греков, иранцев¹. Только эта группа этносов, депортированная из Поволжья, Северного Кавказа, Крыма, Грузии, Черноморского побережья, составляла свыше 2 млн 150 тыс. человек. В июле 1953 г. министр внутренних дел С. Н. Круглов в докладной записке, направленной председателю Совета министров СССР Г. М. Маленкову, оценивал общую численность находящихся на спецпоселении в 2 млн 819 тыс. 776 человек².

После войны армия спецпоселенцев пополнилась в основном из западных районов страны, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг. и «требовавших» социалистической реконструкции. Масштаб депортации из районов Западной Украины и Прибалтики соответствовал степени националистического сопротивления, развернувшегося на этих территориях.

Так, Украинская повстанческая армия, активно действовавшая против советских партизан и отрядов польского подполья и участвовавшая в украинско-польском этническом конфликте в годы войны, после победы развернула боевые действия против Советской армии и советской власти, колхозных активистов и приехавших с «востока» республики, против всех лояльных новой власти. Главным методом борьбы против националистического подполья стали войсковые операции и насильственные переселения. «В Западной Украине в общей сложности было

ликвидировано 346 000 борцов сопротивления, из них арестовано 117 500, убито более 152 000 человек»³. В 1944–1948 гг. из Украинской ССР были выселены 182 543 члена семей украинских националистов-оуновцев, в 1948 г. из бывшей Измаильской области – 93 233 кулака и членов их семей, в 1951 г. из западных областей Украины – 12 135 кулаков и членов их семей, а также 4 815 сектантов-иеговистов⁴.

Продолжало активно действовать националистическое подполье в Литве. И это несмотря на то что к 1 марта 1945 г., по официальным данным, было ликвидировано 17 тыс. банд-групп, захвачено более 10 тыс. бандитов, арестовано более 31 тыс. человек⁵. В 1944–1952 гг. в Литве «было ликвидировано 2 353 отряда лесных братьев, убито 19 888 и арестовано 18 841 «бандит». В то же время от рук лесных братьев погибло 12906 человек, а потери 4-й стрелковой дивизии внутренних войск НКВД, воевавшей с националистами в Литве, составили 533 погибших и 784 раненых⁶. Пик депортации из Литвы приходится на конец послевоенного пятилетия: в 1948 г. было выселено 43 410 участников националистического движения, в 1949 г. – 27 601 кулак и членов их семей и 5 895 членов семей националистов, в сентябре – октябре 1951 г. – 16 150 кулаков и членов их семей, а также 4 133 члена семей националистов⁷. Из Латвии зимой 1949 г. было депортировано 42 322 кулаков, участников националистических организаций и члены их семей⁸. В июне 1953 г. первый секретарь ЦК Латвийской КП Я. Калнберзин докладывал, что в Латвии жертвами репрессий стали 199 тыс. человек, из которых 72 850 были арестованы, 43 702 депортировано, и 2 321 убит⁹. Лесные братья в Латвии «ликвидировали» 1 639 человек¹⁰. 662 банды националистов и 336 «националистических организаций» в 1944–1953 гг. были разгромлены, 1 425 бандитов было убито в Эстонии. За эти же годы было депортировано 67 тыс. человек¹¹. В течение 1949 г. из Эстонии было выселено 20 660 кулаков и националистов¹². В 1949 г. – 37 311 помещиков, белогвардейцев, участников профашистских организаций было выселено из Молдавии¹³.

В очень сложном положении оказывались и национальные элиты в прибалтийских республиках. Объективно пытаясь добиться стабилизации положения в республиках, национальные бюрократии должны были не только отстаивать национальную специфику, но и способствовать утверждению курса на интернационализацию «своей» территории с опорой на идеологию сотрудничества и дружбы со всеми советскими народами. Балансировать между центром и республикой удавалось не всегда.

В январе 1948 г. в ЦК ВКП (б) поступила информация о широком распространении националистических настроений в Эстонии: «продолжается насаждение хуторов», наблюдается плохое отношение к завербованным для работы в Эстонии

рабочим, в основном русской национальности, что приводит их к массовому бегству из республики¹⁴. Более всего национализмом были заражены интеллигенция и молодежь. В Тартуском университете преподавание велось в «духе буржуазного национализма», среди студентов распространено «неприятное отношение к русским», группа учащихся таллиннской школы № 5 взорвала памятник бойцам и офицерам Советской армии, в г. Выру была раскрыта националистическая организация среди учителей и учащихся¹⁵. Вся ответственность за национализм в Эстонии возлагалась на местное партийное руководство. Секретарю ЦК КП (б) Эстонии Н. Г. Каротамму, членам ЦК А. Т. Веймеру, Р. Кумму, Г. Аллику ставился в вину факт обращения в 1944 г. в МГБ СССР с ходатайством об освобождении и реабилитации группы эстонцев, осужденных за антисоветскую деятельность, а также запрещение высылать большое количество кулацких семей. Указывалось, что Каротамм «почти ничего не говорит о борьбе с буржуазными националистами, а в отдельных случаях берет их под защиту»¹⁶.

7 марта 1950 г. политбюро ЦК ВКП (б) утвердило постановление «О недостатках и ошибках в работе ЦК КП (б) Эстонии»¹⁷. В постановлении отмечалось, что эстонское руководство не ведет должной борьбы с буржуазным национализмом, проходит мимо фактов восхваления старых буржуазных порядков в Эстонии и пропаганды преходства западноевропейской буржуазной науки и культуры, на ответственные посты в республике проникают националисты, недостаточное внимание оказывается колхозам. В документе делался вывод о том, что секретарь ЦК Каротамм «лично повинен в отсутствии борьбы с буржуазным национализмом»: в своих печатных работах и выступлениях он «проходит мимо вопросов борьбы с буржуазным национализмом... берет под защиту националистов и препятствует их разоблачению»¹⁸.

Выселенные в 1944–1952 гг. «оуновцы» «по состоянию на 1 июля 1952 г.» в основном были расселены в Сибири: Хабаровском (25 926) и Красноярском (13 704) краях, Кемеровской области – 27 946, Иркутской – 17 012, Омской – 12 313, Томской – 11 649, Пермской области – 10 594. Большое количество украинских националистов было направлено в Амурскую (5 673), Тюменскую (5 805), Челябинскую (6 067) области. В Казахстане находилось в это время всего 7 702 высланных с территории Западной Украины¹⁹.

«Насильственно перемещенные» в 1945–1952 гг. из Литвы были размещены (данные на июль 1952 г.) в основном в Иркутской области (38 340) и Красноярском крае (28 635); из Латвии – в Омской (19 585), Томской (14 321), Амурской (4 961) областях; из Эстонии – в Новосибирской области (9 249) и Красноярском крае (6 099)²⁰.

В 1942–1951 гг. из Крыма, Краснодарского края, Ростовской области, Азербайджанской, Армянской, Грузинской союзных республик и с

Черноморского побережья были выселены греческие, иранские, турецкие подданные, которые приняли советское гражданство²¹.

Армия спецпоселенцев становилась все более многочисленной. В начале 1950-х гг. она продолжала возрастать, прежде всего за счёт взятия на учёт детей, число которых среди спецпоселенцев в июле 1953 г. составляло 884 057²².

Довольно широким был и национальный состав спецпоселенцев. В феврале 1953 г. министр госбезопасности СССР С. Д. Игнатьев сообщал, что в 1941–1944 гг. с Северного Кавказа, из Грузии и Крыма вместе с чеченцами, ингушами, крымскими татарами, месхетинцами были высланы кумыки, аварцы, цыгане, русские, украинцы, азербайджанцы и другие лица, которые «проживали на территории, откуда по решениям правительства производилось выселение, но к выселенным национальностям не принадлежат и в состав их семей не входят» (34 767 человек). В этом же списке присутствовали 995 членов семей участников «истинно-православных христиан», 650 болгар, репатрированных в 1945 г. из Румынии и Болгарии, а также выявленные среди кулаков 16 167 чеченцев, ингушей, карачаевцев, калмыков, крымских татар. Все они, по мнению Игнатьева, представляли «социальную опасность» и впредь должны были содержаться в местах поселений²³.

В августе 1953 г. министр внутренних дел С. Н. Кружков сообщил, что 87 794 «украинских, латвийских, литовских, эстонских и других националистов» содержались «в особых лагерях и тюрьмах МВД СССР» вместе с 22 203 шпионами и диверсантами, 9 639 террористами, 1 712 троцкистами, правыми, меньшевиками, эсерами, 29 486 участниками антисоветских групп, 66 424 лицами, «опасных по своим антисоветским связям и вражеской деятельности»²⁴.

Вслед депортации поволжских немцев, чеченцев, ингушей, крымских татар Советское государство организовало массовое переселение, прежде всего русского населения, на «освободившиеся» территории. В районы Саратовской области, бывшие кантоны Республики немцев Поволжья, в 1945–1953 гг. было переселено преимущественно из Курской, Тамбовской, Воронежской, Рязанской областей РСФСР 8 838 семей²⁵. В образованную после выселения чеченцев и ингушей Грозненскую область в 1947–1953 гг. было направлено 9 895 семей, а главным «донором» выступила Воронежская область, переселяли также из Орловской, Рязанской областей РСФСР²⁶.

Переселение в Крымскую область шло из районов Брянской, Курской, Орловской, Тамбовской, Ростовской, Владимирской, Горьковской, Московской, Пензенской областей РСФСР, Краснодарского и Ставропольского краёв, а также из Украинской ССР. В 1946–1953 гг. в Крым прибыло 11 411 семей²⁷.

Принудительный характер переселения, зачастую недоброжелательное отношение местного

населения, отсутствие жилья приводили к столь же массовому отъезду из постдепортационных территорий. К примеру, из Крымской области к 1950 г. из переселенцев прошлых лет выбыла 10 361 семья (57,7 %) ²⁸, из прибывших в Саратовскую область в 1948–1951 гг. 129 семей из Курской области выбыло 32 семьи (26 %) ²⁹. Анализ мероприятий по заселению Грозненской области показал, что «с марта 1944 г. по январь 1951 г. в колхозы Грозненской области было вселено из других областей 20 487 семей, с общим населением до 100 тысяч человек... по состоянию на 1 января 1951 г. в колхозах области наличие переселенцев... составляет всего 10 695 хозяйств, или 52 % от общего количества прибывших хозяйств АССР» ³⁰.

Цели переселенческой политики Советского государства А. М. Некрич усматривал в том, что оно «сочло необходимым “укрепить” границы империи, заполнив пограничные территории так называемым “реальным населением”, а к таковым, по мнению советского руководства, относились «только русские и украинцы, мусульманская же часть жителей считалась заведомо ненадежной» ³¹. По всей видимости, с этим утверждением следует согласиться. Признавая необходимость хозяйственного освоения покинутых территорий, следует признать, что государство привычно ориентировалось на «безмерность» ресурсов русского народа, упорно «распыляя» их на реализацию общесоветских интересов.

Депортации в послевоенные годы становились поистине универсальным методом. С определенной долей эффективности этим средством можно было «одернуть» и окрепшие за счет поддержки в высших эшелонах власти, коррумпированности, спаянности национальные кланы. Яркий пример тому является собой «мингрельское» дело, которое можно рассматривать как попытку разгрома и ликвидации по одной из республиканских национальных элит. Этой версии придерживался один из бывших руководителей советских органов госбезопасности П. А. Судоплатов, считавший «мингрельское дело» одной из последних чисток, организованной самим Сталиным с целью устранения Берия: «Берия был мегрел, а мегрелы не ладили с гурийцами, которым больше всего доверял Сталин» ³².

Чистка грузинского руководства от «мегрельских уклонистов», «мегрельского национализма» ³³ началась с арестов чиновников-мингрелов (второй секретарь ЦК М. И. Барамяя, бывший министр госбезопасности Грузии А. Н. Рапава, генеральный прокурор В. Я. Шония, академик П. А. Шария), обвиненных во взяточничестве. Всего было арестовано не менее 500 этнических мингрелов, в том числе 7 членов ЦК, 427 секретарей обкомов, горкомов, райкомов. Был снят с должности и первый секретарь компартии Грузии К. Н. Чарквиани, который не был этническим мингрелом. В ноябре – декабре 1951 г. были приняты постановления ЦК ВКП (б) «О взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе т. Барамяя» и Совмина

СССР «О выселении с территории Грузинской ССР враждебных элементов». Кроме обвинений во взяточничестве и национализме, «группе Барамия» инкриминировалось стремление ликвидировать в Грузии советскую власть и разделить республику на ряд «отдельных партийных княжеств». Более 10 тысяч человек были высланы с территории Грузинской ССР в отдаленные районы Казахстана³⁴. Тучи начали сгущаться и над Берией, которому политбюро предложило возглавить партийную комиссию по расследованию дела «мегрельских уклонистов» и «закрыть мегрельские газеты»³⁵. «Большой мингрел», как Сталин иногда именовал Берия, сам мог попасть в орбиту следствия³⁶.

Интенсивное заселение опустевших территорий демонстрировало убежденность властей в невозможности возврата на прежнее местожительство депортированных народов. Положением, когда районы бывшей Чечено-Ингушской АССР были заняты главным образом русскими переселенцами, «а также народами из горных районов Дагестана, Южной и Северной Осетии», территории бывшей Калмыцкой республики – русскими и казахами, районы бывшей Карачаевской области – русскими и частично грузинами, бывшие балкарские районы – кабардинцами, а большая их часть осталась незанятой³⁷, при условии возвращения на прежнее местожительство выселенных народов объективно должно было обострить межнациональную ситуацию.

В результате в Крыму, на Северном Кавказе, в Поволжье коренным образом менялась национальная структура на тех территориях, откуда производилась депортация. Несмотря на довольно напряженные отношения переселенцев с местным населением, не подвергшимся депортации, в целом сохранялась стабильная межнациональная ситуация.

Советское руководство было объективно заинтересовано в сохранении и консервации возникшего после многолетней практики депортации положения, в том числе и по причине неизбежности возникновения межэтнических конфликтов в местах вероятного возвращения «наказанных народов». «Армия» спецпоселенцев, разбросанная по огромным просторам Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера, Средней Азии, Казахстана требовала освобождения и возвращения на историческую родину.

Самым многочисленным из депортированных народов были немцы. К середине 1950-х гг. немцы (по данным на 20 мая 1956 г. снятые с режима спецпоселения с декабря 1955 г. немцы составляли 727 823 человека), проживали в России (442 184), Казахстане (261 418), Таджикистане (19 085). Были представлены и в других районах СССР: 1 001 немец – в Турмении, 1 421 – в Киргизии, 2 555 – в Узбекистане, даже в Карело-Финской АССР насчитывалось 159 человек. В России немцы были сосредоточены в Алтайском крае (63 393), Красноярском крае (45 195), Кемеровской (43 119), Новосибирской (48 087), Пермской (32 222), Ом-

ской (26 846), Свердловской (35 652), Челябинской (25 424). В трех регионах количество немцев превышало 10 тыс. человек (в Тюменской – 17 444, Томской области – 16 167, Коми АССР – 12 758), а в шести регионах – 5 тыс. человек (Башкирской АССР – 6 334, Удмуртской АССР – 6 500, Архангельской – 7 718, Вологодской – 5 970, Иркутской – 6 053, Тульской – 7 430, Оренбургской – 7 369), в восьми республиках и областях – 1 тыс. человек (Бурят-Монгольской АССР – 1869, Марийской АССР – 1704, Якутской АССР – 2543, Кировской – 4615, Костромской – 4312, Куйбышевской – 2802, Магаданской – 1142, Московской области – 3195). Еще в десяти российских регионах немцев насчитывалось от 100 до 1000 человек, в том числе в Татарской АССР – 956, Горьковской области – 818, Рязанской области – 784³⁸.

261 418 освободившихся от режима спецпоселения немцев проживало в мае 1956 г. в Казахстане, больше всего в Карагандинской (48 196), Акмолинской (40 710), Кокчетавской (30 197), Кустанайской (27 570), Павлодарской (22 512), Семипалатинской областях (20 066). В казахстанских областях численность бывших спецпоселенцев-немцев превышало 10 тыс. человек, в том числе в Северо-Казахстанской – 14 045, Восточно-Казахстанской – 13 633, Актюбинской – 13 348. В Узбекистане немцы были сосредоточены в Ташкентской области – 1 189, а в Киргизии больше всего немцев проживало во Фрунзенской области – 1 094 человек³⁹.

Вторым по численности контингентом спецпоселенцев к середине 1950-х гг. были чеченцы – 191 479. 76 % (146 522) чеченцев было сосредоточено в Казахстане, в том числе в Карагандинской области – 26 125, Алма-Атинской – 15 379, Джамбульской – 13 534, Талды-Курганской – 13 316, Восточно-Казахстанской – 12 747, Чимкентской областях – 10 243. В Киргизской ССР находилось 44 517 чеченцев, больше всего во Фрунзенской (22 612), Ошской (13 244), Джелал-Абадской (8650) областях. На спецпоселении в российских регионах находилось 317 чеченцев. В Казахстане было размещено 94 % ингушей (45 906 человек из 48 198): в Акмолинской области – 11 674, Кустанайской – 7 514, Павлодарской – 6906, Кокчетавской – 6 150, Карагандинской – 4737, Алма-Атинской – 3848. Еще 2 102 ингуша находились в Киргизской ССР, в основном во Фрунзенской области – 1812 человек⁴⁰.

Крымских татар на режиме спецпоселения в России находилось 14 969 человек. В основном они располагались в Марийской АССР – 3943, Пермской области – 4501, Свердловской – 1757, Костромской – 1302, Тульской области – 1078. В Казахской ССР находилось 2151 крымский татарин, в Таджикской ССР – 3857, в Киргизской – 987, а основная часть депортированных (95 078) размещалась в Узбекистане: в Ташкентской – 36 970, Самаркандской – 22 357, Ферганской – 12 304, Андижанской – 10 870, Неманганской областях – 6 611⁴¹.

Депортированные месхетинские турки в количестве 115,5 тысяч были рассредоточены по отдельным посёлкам в различных областях Узбекистана, Казахстана и Киргизии. Значительная их часть была сосредоточена в Узбекистане, прежде всего в Ташкентской, Самаркандской, Сырдарьинской областях и Ферганской долине.

94% (50 525 из 53 328 человек) депортированных калмыков было размещено в России: Алтайском крае – 11 834, Красноярском крае – 11 802, Новосибирской области – 11 223, Тюменской – 6 238, Омской области – 6 225. 1223 калмыка в 1956 г. находились на Сахалине. 51% (10 273) балкарцев проживал в Казахстане (в Джамбульской области – 3 240, Алма-Атинской – 1 940, Акмолинской – 1 298, Талды-Курганской – 1283), 49% (9 442) – в Киргизской ССР (Фрунзенской – 3 786, Ошской – 2 752, Иссык-Кульской – 1 759, Джелал-Абадской областях – 1 144). Около 57% (21 313) карачаевцев в 1956 г. находилось в Казахстане (10 720 – в Джамбульской и 10 170 – в Чимкентской области), 43 % (16 256) – в Киргизии (практически все, 16 204 человек, во Фрунзенской области). 338 карачаевцев проживало в Ташкентской области Узбекистана⁴².

Наиболее многочисленные контингенты депортированных располагались в Казахстане. По свидетельству первого секретаря ЦК КП Казахстана П. К. Пономаренко, общее количество спецконтингента, находящегося в Казахстане, составляло 1 010 610 человек – 15 % к общему количеству населения республики⁴³. В 1949 г. из Абхазии в Казахстан было выселено 1 200 семей (5 570 человек) греков⁴⁴.

После смерти И. В. Сталина новое руководство страны попыталось закрепить возникшую и утвердившуюся в результате многолетних насильственных, вынужденных и добровольных этнических переселений национальную структуру советских регионов. Готовящееся в «бериевском» МВД снятие с режима спецпоселения ряда депортированных народов было заблокировано. Инициативы Л. П. Берия по «выдавливанию» русских из западных республик СССР, «коренизации» республиканских (как обычно, эти меры России не должны были коснуться) органов власти, ведущей к захвату власти в союзных (и снова это не касалось РСФСР) республиках национальными кланами-элитами, были осуждены сразу же после его ареста. В места ссылки «народов» были отправлены авторитетные комиссии с целью поиска аргументов для обоснования решения: «оставить все как есть!» Вопрос о целесообразности разрушения системы спецпоселений не стоял, она уже «самоликвидировалась», все постановления о снятии с режима лишь констатировали уже существовавшее положение вещей.

Главный вывод, последовавший после обследования положения спецпоселенцев, заключался в предложении: «Поскольку выселенные народы укоренились в местах ссылки, необходимо оказать им

всемерную помощь на новых местах жительства и не допускать выезда на прежнее местожительство». В справке «О положении населения карачаевской национальности», подготовленной комиссией во главе с инструктором ЦК КПСС В. Иевлевым, отмечено, что из «более 13 тысяч семей» карачаевцев «около 12 тысяч семей имеют свои дома» и «по заявлениям самих карачаевцев многие из них живут лучше, чем до переселения»⁴⁵. Члены комиссии, работавшие в местах ссылки балкарцев, подчеркивали, что «живут балкарцы не хуже, а некоторые лучше, из 6 148 балкарских семей в сельской местности – 4 900 построили себе дома»⁴⁶. Такие же выводы последовали из Казахстана и Киргизии в отношении чеченцев и ингушей, которые «живут не хуже, чем на Северном Кавказе, а из 89,8 тысяч семей 73,3 построили себе дома». Фиксировалось, что «с 1948 г. рождаемость чеченцев стала превышать смертность... в 1953 г. родилось 16,6 тысяч человек, а умерло 6 тысяч человек»⁴⁷. Секретари ЦК компартий Казахстана, Узбекистана, Киргизии сообщали в ЦК КПСС, что «на руководящей хозяйственной, советской и партийной работе находится более двух с половиной тысяч человек из числа переселенцев»⁴⁸.

Однако скрыть стремительно нарастающий процесс разрушения национальной идентичности «наказанных» народов члены комиссий не стремились: карачаевцы «лишены возможности сохранения и развития своей национальной культуры, из 10,5 тысяч детей школьного возраста 9,4 тысячи обучаются в школах на русском, киргизском, казахском языках, свыше тысячи девочек прервали обучение»⁴⁹; «национальная культура не развивается, балкарская молодежь не знает своей письменности и литературного языка»⁵⁰. Не менее удручающим было сообщение о калмыках: «вся молодежь до 20-летнего возраста не знает калмыцкой письменности, и часть детей не владеет родным языком»⁵¹.

Безусловно, предлагаемые меры по спасению национальных культур в местах ссылки вполне могли оказаться действенными, однако они безнадежно опоздали. К примеру, предлагалось «восстановить ингушских писателей в СП СССР и включить их в активную творческую работу по месту их жительства», организовать в Киргизии «для обслуживания ингушского населения ансамбль ингушской песни и танца, издание альманаха на ингушском языке, издание сборника ингушских поэтов и писателей»⁵².

Однако в середине 1950-х гг. процесс несанкционированного выезда с мест ссылки национально выселенных народов приобрел необратимый характер: «наблюдается массовый выезд карачаевцев в места прежнего местожительства»⁵³, к сентябрю 1956 г. «в Дагестан прибыло 518 семей (чеченцев. – А. М.), в Кабардинскую АССР – 700 семей (балкарцев. – А. М.), в районы бывшей Карачаевской области – 173 семьи (карачаевцев. – А. М.), в районы бывшей Калмыцкой республики – около 500 семей (калмыков. – А. М.)»⁵⁴. А «многие че-

ченцы» заявляли, «что они допускают ошибку, приезжая сюда (в Грозненскую область. – А. М.) мелкими группами, ... следует приехать без разрешения сразу всем»⁵⁵. Предложения, поступавшие из союзных республик («многие ЦК компартий союзных республик» высказываются, «что если бы встал вопрос о восстановлении той или другой автономной области, то сделать это следовало бы в пределах указанных республик»⁵⁶) и «краев и областей» («руководители Алтайского края считают, что через один-два года можно сконцентрировать всех калмыков на юге края в 3–4 района, построить 30–40 совхозов и решить вопрос об автономии»⁵⁷).

Таким образом, руководство страны неизменно сталкивалось с неизбежностью массового выезда бывших спецпоселенцев на свою историческую родину. Принятые постановления и законы, восстанавливающие ряд прежних автономий и разрешающие «поэтапно» вернуться некогда насильственно высланным, принципиально уже ничего не меняли. В ряде регионов страны, прежде всего на Северном Кавказе, начинался новый этап радикального изменения национальной структуры проживающего там населения.

Примечания

- 1 См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7523. Оп. 121. Д. 49. Л. 16.
- 2 Там же. Оп. 85. Д. 35. Л. 130.
- 3 Плеханов А. К вопросу о ликвидации националистического подполья на территории Западной Украины // Отечественные спецслужбы в послевоенные годы. 1945–1953 гг. М. ; Великий Новгород, 2002. С. 63. См. также : Санников Г. Большая охота. Разгром вооруженного подполья в Западной Украине. М., 2002.
- 4 См.: ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 109. Д. 195. Л. 49, 50.
- 5 О борьбе с вооруженным националистическим подпольем в Эстонии и Латвии в 1940–1950-х гг. см.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 166–177 ; № 11. С. 112–123.
- 6 Таннберг Т. Политика Москвы в республиках Балтии в послевоенные годы (1944–1956). Исследования и документы. Тарту, 2008. С. 83.
- 7 ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 109. Д. 195. Л. 51, 52.
- 8 Там же. Л. 53.
- 9 История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 327.
- 10 Там же. С. 343.
- 11 См.: Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 15. Д. 445. Л. 267–273.
- 12 Там же. Л. 54.
- 13 Там же. Л. 57.
- 14 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 118. Д. 745. Л. 51, 54.
- 15 Там же. Л. 58, 60, 61, 62.
- 16 Там же. Л. 17, 21, 23.
- 17 Там же. Л. 2.
- 18 Там же. Л. 3–6. См., также : Зубкова Е. Ю. «Эстонское дело» 1945–1952 гг. // Мир истории. 2001. № 1.
- 19 См.: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 597. Л. 178.
- 20 Там же. Л. 179, 180.
- 21 Там же. Л. 121. Д. 139. Л. 3.
- 22 Там же. Оп. 85. Д. 35. Л. 130.
- 23 Там же. Л. 40, 41.
- 24 Там же. Д. 80. Л. 4.
- 25 Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 7654. Оп. 1. Д. 678. Л. 29, 31, 32, 35, 36, 38, 42, 45, 49.
- 26 Там же. Л. 31, 32, 34, 35, 36, 38, 41, 44, 49, 79, 80.
- 27 Там же. Л. 31, 33, 38, 41, 44, 49, 97, 98, 99.
- 28 Там же. Д. 543. Л. 18.
- 29 Там же. Л. 26.
- 30 Там же. Л. 339, 340, 367, 372, 380, 383.
- 31 Некрич А. М. Наказанные народы // Родина. 1990. № 6. С. 33.
- 32 Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1997. С. 509.
- 33 Там же. С. 511–512.
- 34 См.: Пихоя Р. Г. Советский Союз : история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 58.
- 35 Судоплатов П. А. Указ. соч. С. 512.
- 36 См.: Пихоя Р. Г. Указ. соч. С. 58.
- 37 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 113.
- 38 Там же. Д. 25. Л. 90–92.
- 39 Там же.
- 40 Там же.
- 41 Там же.
- 42 Там же.
- 43 ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 85. Д. 35. Л. 210–211.
- 44 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 25. Л. 77.
- 45 Там же. Д. 56. Л. 105.
- 46 Там же. Л. 114.
- 47 Там же. Л. 119, 121.
- 48 Там же. Л. 42.
- 49 Там же. Л. 105.
- 50 Там же. Л. 115.
- 51 Там же. Л. 131.
- 52 Там же. Л. 37.
- 53 Там же. Л. 107.
- 54 Там же. Л. 112.
- 55 Там же. Л. 218.
- 56 Там же. Л. 42.
- 57 Там же. Л. 133.

Образец для цитирования:

Мякшев А. П. Заключительный этап насильственного перемещения населения в СССР: специфика и его влияние на изменение национальной структуры (1945–1956 гг.) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 410–415. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-4-410-415.